

Образ жизни феодальных правителей

— «Я был единственным ребенком», — угрюмо начал Пятый.

Внутри камня, все, начиная со Второго, сидели и слушали его. Только Четвертому было неловко, и он постоянно поправлял свои очки.

— «Не может быть, — ответил Второй. — Просто не может быть».

Он осуждающе посмотрел на Четвертого.

— «Я был вторым ребенком, но после смерти брата стал наследником, — сказал Третий. — Я же вроде уже объяснял это, разве нет?»

Все мы устремили свой взгляд на Четвертого. Не выдержав такого давления, он наконец-то заговорил:

— «М-моя жена была очень молода. Когда мы впервые встретились, ей было меньше пятнадцати. В то время как мне уже было за тридцать... С такой разницей в возрасте она мне в дочери годилась».

Когда Четвертый начал оправдываться, Шестой прервал его:

— «Ага, и что?»

— «Ну и?» — Седьмой тоже не видел в этом никакой проблемы.

Предки, которых совершенно не заботила такая разница в возрасте, продолжили давить на него. Второго же больше заботил факт смерти его старшего сына.

— «И вообще, прежде чем задумываться о том, чтобы благополучно вырастить Пятого, разве тебе сначала не нужно было рассмотреть вероятность его смерти? Попадать во всякие стычки и другие мелкие дразги для людей вроде нас не редкость».

— «Нет, я сожалею об этом, но после смерти Третьего, Его Величество, ну, он начал по-особому относиться ко мне, и...» — слабо ответил Четвертый.

Согласно его объяснениям, из-за достижений Третьего, во многих отношениях к нашей семье начали относиться по-особому. Никто и не думал прямо противостоять семье, перед которой считала себя обязанной сама корона. И во времена Четвертого они смогли воспользоваться этими заслугами, чтобы получить титул барона.

Третий отдал свою жизнь за короля, и тем самым внес большой вклад в победу, так что прямые вассалы трона Бахнсейма начали относиться к дому Уолтов соответственно.

— «Третий умер молодым, поэтому неудивительно, что у Четвертого не было братьев и сестер, — сказал Седьмой. — Но тот факт, что Пятый был единственным ребенком, значит, что...»

Дело не только в укреплении связей через браки, но, если все же стремиться наладить благоприятные отношения, лучше иметь брата или сестру, или обоих. Если бы появилась внезапно разросшаяся побочная ветвь семьи, поддерживающая дом Уолтов, позиция Пятого укрепилась бы куда сильнее».

— Теперь понятно. Его называли ловеласом дома Уолтов, но в действительности он делал все это ради благополучия дома.

— «Именно, — кивнул Пятый. — А мне ведь хотелось иметь всего одну жену. Так намного проще. К тому же... Думаете, я мог любить всех своих детей одинаково, учитывая, что их у меня было за тридцать? Некоторых сыновей я отправил в довольно суровые условия. Одну свою дочь я даже выдал в качестве заложницы».

Времена Четвертого были безбедными. Королевская семья приглядывала за ним, и, я слышал, что именно они и нашли ему невесту. Но как только король сменился, оставшиеся годы Четвертого как главы дома стали просто ужасными.

— «Я не мог верить никому. Все соседние дворяне пытались начать конфликт. Были даже случаи, когда они, притворяясь бандитами, разоряли мои деревни».

— «Ты ведь дал им отпор, верно? — На лбу Второго выступили вены. — Ты ведь не стал просто терпеть такое отношение к себе?»

— «В мои времена, мы как-то смогли заставить их уйти в защиту, и сами начали наступать», — сказал Шестой.

В эру Пятого... Нет, во времена правления Третьего и Четвертого, похоже, было сложно найти надежных союзников. И в тот период дом Форксузов не предал нас и остался лояльным... У них совсем не было амбиций?

— «Нет, просто... — оправдывался Четвертый. — У меня не получалось найти жену из-за этих непонятных предписаний».

Как только статус дома Уолтов поднялся, нам нужно было брать в жены дочерей из домов такого же ранга, или выше. Но когда Четвертый ушел в отставку, соседние виконтские дома начали держаться на определенной дистанции от дома Уолтов.

— «Если бы у меня были братья и сестры, все бы обернулось совершенно по-другому», — Пятый пристально посмотрел на Четвертого, и тот закрыл свой рот.

— «Такого не должно было случиться, — вмешался Третий. — Она ведь все еще могла родить, верно? К тому же, был еще вариант с любовницами. Вы ведь тогда являлись уже баронским домом? Почему тогда просто не принять внебрачную дочь одного из соседних домов как вторую жену? У тебя была просто уйма вариантов, разве нет?»

— «Нет, дело в том, что моя жена была той еще плаксой, и...» — начал Четвертый.

— «Не смей издеваться надо мной, ублюдок!»

Пятый набросился на Четвертого, и никто не стал останавливать его. Более того, они, похоже, думали, что Четвертый этого заслуживал.

Я в какой-то степени осведомлен о таких вещах. На самом деле, выдавать своих детей для женитьбы, когда те достигают подходящего возраста — обычное дело. У меня не было на это времени, так что я никогда в серьез не задумывался о браке. Вернуть внимание родителей... Это все, что было у меня на уме.

— «Давайте пока отвлечемся от избиения сыном своего отца и просто будем считать, что мы

успешно наладили связи с окружающими нас соседями, — взял слово Второй. — С помощью бракосочетаний, мы приняли их детей в свою семью, или же отправили своих невест и женихов к ним... Учитывая нашу родословную, сомневаюсь, что у них были какие-то жалобы».

Дисциплинированные дети с хорошей родословной были для них, скорее всего, удачным приобретением. Не то чтобы с этим не было никаких проблем, но для дома Уолтов, у которых практически не было союзников, это был хороший способ укрепить свое положение.

— «У всех них была хорошая родословная, — сказал Шестой. — Проблема заключалась в направлении, которое начал принимать наш дом. Когда Пятый сокрушал другие противостоящие нам дома, то собирал вокруг женщин, за которыми не числилось никаких преступлений. Он проводил расследования и звал их к себе... Сколько бы у нас не было денег, их постоянно не хватало».

Похоже, Пятый тратил изрядные суммы денег, но запасов Четвертого хватало, чтобы это покрыть. Сколько же он успел накопить?

Задыхаясь, Пятый вернулся на свое место. Поправив очки, Четвертый тоже занял свое. Его одежда была разорвана, но сам он не пострадал.

— (Ну, они ведь не из плоти и крови).

Внутри камня находится только мое сознание и ничего больше. А предки здесь являются ничем иным, как воспоминаниями. Эти воспоминания сохранили и их личности тоже, ну или так все оно выглядит.

— (Как вообще был создан этот камень?)

Если его сделали только для того, чтобы записывать навыки, то такой метод просто не нужен. Мне не составляет труда терпеть их одновременный галдеж, но обычный человек, вероятно, к этому времени уже сошел бы с ума. Пару раз даже я был на грани. Но как много лет уже прошло с тех пор, когда меня в последний раз по-дружески дразнили родственники?

— «У меня не было к ним никакой привязанности. Дайте жизнь моим детям. Я сразу сказал, что желаю от них лишь этого», — с печалью в голосе сказал Пятый.

Я считал, что он абсолютно черствый человек, но, похоже, Пятый не раз задумывался над своим прошлым. И...

— «Мой первый сын решил стать правонарушителем, а бои между детьми никогда не прекращались, и... Лишь в моих домашних животных я нашел единственную отраду».

— Думаю, Пятый только что сломался.

Я вспомнил события, что произошли в Далиене. Там были монстры в виде кроликов. Каждый раз, когда я убивал одного, он кричал мне остановиться. Пока я раздумывал о его странных вкусах, Шестой, которого только что называли правонарушителем, закричал:

— «Если у тебя больше тридцати младших братьев и сестер, естественно, что ты пойдешь по такому пути! Более того, ты любил этих питомцев больше, чем собственных детей... Лайл, ты знал?»

— О чем?

— «Пятый прикармливал молодого божественного зверя, которого называют Цилинем».

— «Эй, не называй это прикармливанием или подобными унижительными словами, — ответил Пятый. — Он был частью моей семьи!»

— «Почему бы сперва не позаботиться о своей настоящей семье?» — спросил Третий.

Я приложил руку к подбородку и попытался вспомнить. Цилинь... Рогатое, покрытое чешуей существо, напоминающее лошадь. Их также называют драконьими кобылами, но, чтобы отличать их от монстров, таких существ часто классифицируют как божественных зверей. Перед появлением магических устройств, их стремились заполучить все дворяне. Считалось, что даже один Цилинь, которым приписывали способность бежать по небу, на несколько поколений приведет к процветанию весь клан. Были даже рыцари, которые сражались за право владеть ими. И у Пятого был такой...

— А? Но если он был молодым, почему тогда я не видел его в поместье? Я читал, что божественные звери благословлены долголетием.

Прожить сотню-другую лет вполне нормально для них. Пятый, прикармливавший... нет, растивший этого зверя, улыбнулся.

— «Это потому, что он был ранен... После того, как Цилинь выздоровел и набрался сил, я, конечно же, отпустил его назад на свободу. Другие особи из его стада пришли принять его назад... Он с такой печалью смотрел на меня... Даже когда я сказал ему убираться уже, он все равно продолжал смотреть на меня таким взглядом».

Увидев на лице Пятого слезы, все присутствующие опешили.

— «Ты вообще можешь понять, что я тогда чувствовал?! — закричал Шестой. — Все вокруг внезапно начали возлагать на меня большие ожидания, когда мой старик заполучил себе Цилиня, а ты взял и отпустил его на волю... Как думаешь, что я чувствовал, когда услышал об этом?! Ты мог подарить его королевской семье! Да даже просто держать его у себя — уже было бы достаточно».

Наличие такого редкого животного пошло бы на пользу дому Уолтов... Меня тоже поразили слова Шестого.

— «Ох, ты... Ты просто худший», — сказал Четвертый, посмотрев на Пятого.

— «Не тебе об этом говорить!»

— «И это твоя вина, разве нет?!»

Наблюдая, как Четвертый с Пятым перекрикивали друг друга, я шепотом обратился к сидящему рядом со мной Седьмому:

— И кто же именно здесь виноват?

— «Мне бы не хотелось этого говорить, но ответственность лежит на плечах Третьего. Именно из-за него имя Уолтов было вписано в историю, но, в то же время, внезапное поднятие статуса нашего дома так же внезапно увеличило и наше влияние. Что ж, если ты спрашиваешь, кто же именно был неправ... Практически все».

Проблемы, оставленные отцами, в конечном счете решались их детьми. Так уж в доме Уолтов все исторически сложилось. Мне было немного печально смотреть на все это, но в то же время...

— Во все времена существовали свои проблемы.

— «Верно. Знаешь, в мое время их было немало... Тебя это может не касаться, но прямо сейчас над домом Уолтов нависает буквально гора различных проблем».

Услышав это от Седьмого, я склонил голову и задался вопросом, действительно ли это так. Спустя какое-то время я так и не смог понять смысл его слов, и Второй усталым голосом сказал мне:

— «Лайл, хотя тебя и изгнали, но не забывай, что сейчас в доме Уолтов находится медленно тикающая часовая бомба по имени Сэлес... Разве это не большая проблема?»

Меня устроил такой ответ. Думаю, есть еще немало вещей, о которых я просто не задумываюсь.

— (Но разве будет не лучше оставить Сэлес как есть? Я ведь и так все дальше и дальше отдаляюсь от своих родных мест).

Или я слишком наивен?

<http://tl.rulate.ru/book/356/185510>